

*Коротких Анастасия Викторовна
независимый исследователь, Москва*

ОБРАЗ КУЗНЕЧИКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ А. ГУГНИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Александр Гугнин (1941 – 2021) – ученый, педагог, переводчик, поэт. Его поэзия – это поэзия филолога. Она хранит в себе темы и образы европейской и русской литературы XVIII – XX веков. Образ кузнечика встречается всего в трех стихотворениях А. Гугнина, однако этот образ символичен. Маленький кузнечик становится для лирического героя проводником в мир истинной Поэзии, в царство Аполлона и муз.

Ключевые слова: Александр Гугнин, литературная традиция, образ кузнечика, поэтическое вдохновение.

Abstract. Alexander Gugin (1941 – 2021) – scientist, teacher, translator, poet. His poetry is the poetry of a philologist. It contains themes and images of European literature and of Russian literature of the 18th – 20th centuries. The image of a grasshopper is found in only three poems by A. Gugin, but this image is symbolic. The little grasshopper becomes a lyrical hero guide in the world of true Poetry, in the kingdom of Apollo and the muses.

Keywords: Alexander Gugin, literary tradition, the image of a grasshopper, poetic inspiration.

Поэзия Александра Гугнина многоадресна. В целом она представляет собой лирический дневник, адресатом которого, в первую очередь, является сам поэт, автор стихотворений. Об этом метко сказала в предисловии к изданию стихотворений и переводов А. Гугнина Н.Б. Лысова [1, с. 3]. Авторское прочтение такого дневника глубоко интимно. Здесь посторонний читатель (а это все, кроме автора) останавливается перед личной тайной.

Если рассматривать поэтическое наследие А. Гугнина с точки зрения читателя «постороннего», то можно увидеть, как минимум, две группы стихотворений. Первая группа – это стихотворения разных лет, написанные по случаю, посвященные каким-либо событиям, лицам. Например, «Готический сон (Перед зачётом по готскому языку) Ольге Александровне Смирницкой» (1962); «Однорукий брат, Сервантес...» (Альберту Викторовичу Карельскому)» (1986); «В чужой гостинице

в стране австрийской...» (Юрию Архипову)» (1996); «Прощальное поздравление с 8 Марта! (Всем княгиням кафедры МЛИИЯ)» (2016) и мн. др. Эти стихотворения опубликованы, их могут читать все желающие [2]. Но биографические аллюзии, которые в них содержатся, понятны только отдельным адресатам. Таким образом, нельзя в полной мере говорить о художественной универсальности этих стихотворений.

Другая группа стихотворений Гугнина – это произведения, претендующие на статус подлинной поэзии, конечно, в меру художественного дарования поэта. Например, «Сонет щедрости» (1981); «Оттепель (1)» (1991); «Радость бытия» (1994); «Каштан на Рижском взморье» (1994); «Вечность» (2006); «Бабье лето» (2019) и мн. др. Эти стихотворения не нуждаются в биографическом комментарии, они универсальны и целостны. Вот о таких текстах и пойдёт далее речь.

Поэзия Александра Гугнина – это поэзия филолога, историка литературы. Поэт – человек начитанный, его прекрасная память очарована чужими словами, образами, сюжетами. В «Банальных экспромтах...» (1991) А. Гугнин писал о своей работе:

Но, погружаясь в труд сухой,
В чужие судьбы и эпохи,
Я ум воспламеняю свой
И нахожу живые строки [2, с. 147].

Поэзия Гугнина соткана из «живых строк» Гёте, Опица, Уланда, Тургенева, Фета, Блока, Бунина et cetera. Стихотворения А. Гугнина лишены острой художественной новизны, но исполнены изящества.

В Японии, в Токио, есть сад «Рикугиэн», «Сад шести основ поэзии» [3]. Он был заложен в конце XVII века человеком по имени Янагисава Ёсиясу. Сад создавался в течение семи лет. Он был разделён на 88 участков, каждый из которых обозначал стихотворение какого-нибудь известного поэта древности. На краю участков стояли столбики с выгравированными поэтическими строками. «Эти стихи должны были вызывать в душе образованного человека множество глубоких ассоциаций» [3, с. 25]. До настоящего времени сохранилась только часть столбиков, но есть записи Ёсиясу, по которым можно восстановить замысел. «Сад "Рикугиэн" – это попытка создать бесконечную вселенную японской поэзии, проистекающей из обожествления природы» [3, с. 26].

Стихотворения Александра Гугнина – это сад Поэзии. «Я б разбивал стихи, как сад», – написал Борис Пастернак [4]. А. Гугнин воплотил это желание. Мотив странничества и образ странника, которые так любил А. Гугнин, – это знаки из сада

поэзии, европейской и русской. Образ кузнечика, о котором мы далее будем говорить, – тоже такой знак.

Существует мир литературоведческой инсектологии. Не только кузнечики, но и цикады, стрекозы, мотыльки, муравьи, пчёлы, запечатлённые в художественной литературе разных времен, языков, жанров давно стали предметом литературоведческого интереса. Например, в диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Е.А. Капустиной «Миф о поэте в творчестве Велимира Хлебникова» глава вторая называется «Энтомологический код: формы субстанциональности Поэта и Музы», названия параграфов в рамках этой главы – «Кузнечик», «Овод», «Мотылёк / Бабочка», «Оса» [5]. Другой пример – коллективная монография «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка» [6]. Третий пример – статья студентки А. Сыч «Инсектологические образы в поэзии В.В. Набокова» et cetera.

В русскую поэзию Нового времени насекомые пришли (прилетели, прискакали) вместе с классицистическими переводами европейской поэзии, которая, в свою очередь, была обращена к античности. Кузнечик появляется в русской анакреонтике XVIII века, и не покидает русскую поэзию до сего дня. Антиох Кантемир в 1736 году перевёл с греческого 55 од, приписываемых Анакреон(т)у. Среди них ода XLIII из Книги второй «К трекозе»:

Трекоза, ты убожаем,
Что ты, на древах вершинке
Испив росы малы капли,
Как король, поешь до полна. <...>
Любят тебя и все музы,
И сам Фебус тебя любит,
Что звонкий тебе дал голос;
И не вредит тебе старость.
Мудрая земли отродок,
Песнолюбка! беспечальна,
Легкоплотна и самим чуть
Богам во всем не подобна [9].

«Трекозой» во времена Кантемира называли разных насекомых, не только стрекозу. Поэт задал направление развитию образа. Лирический герой, обращаясь к крошечному существу, восхищается его едва ли не богоподобием: «трекоза» не знает старости, поёт звонким голосом, легка, беспечальна, мудра, довольствуется малым. На зависть поэту, «трекоза» – любимица муз и самого Феба. Анакреонову оду о кузнечике переводили Г. Державин, Н. Львов, Н. Гнедич [10].

Зависть к свободе счастливец-кузнечика выражена в произведении Михаила Ломоносова, которое называется «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем»:

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен! <...>
Ты скачешь и поёшь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё своё; везде в своём дому,
Не просишь ни о чём, не должен никому [11].

В 1854 году создано стихотворение А. Фета «Как здесь свежо под липою густою...». В этом стихотворении обнаруживаются мотивы, которые позднее мы увидим в стихотворениях А. Гугнина:

Как здесь свежо под липою густою... <...>
А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон <...> [12].

Кузнечик метонимизируется до резкого, сухого, трескучего, неугомонного звона и становится частью умиротворяющего летнего пейзажа, располагающего к созерцанию.

XX век оставил русской поэзии коллекцию разнообразных кузнечиков. В 1912 году опубликовано стихотворение «Кузнечик» Велимира Хлебникова. Ничего не понятно при первом чтении этого футуристического текста, хотя русские лексемы и морфемы узнаваемы. Кузнечик предстает инопланетянином, существом странным, «не от мира сего»:

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер <...> [13].

В 1927 году написано стихотворение Николая Олейникова «Кузнечик, мой верный товарищ...», лирический герой которого называет кузнечика «старым испытанным другом» [14]. 1947 годом датируется стихотворение «Кузнечик» Николая Заболоцкого. В этом стихотворении переосмысляются связанные с кузнечиком мотивы бессмертия, пения, поэзии:

Настанет день, и мой забвенный прах
Вернётся в лоно зарослей и речек,
Заснёт мой ум, но в квантовых мирах
Откроет крылья маленький кузнечик. <...>

Кузнечик – дурень! Если б он узнал,
Что все его волшебные светила
Давным-давно подобием зеркал
Поэзия в пространстве отразила! [15]

В повести Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей» (1954) коротышки исполняют песню про кузнечика, которую сочинил поэт Цветик: «В траве сидел кузнечик...» [16]. Герой песенки невинен и беспечен.

Значимое место занимает образ кузнечика в поэзии Арсения Тарковского (цикл из двух стихотворений «Кузнечики» (1935 – 1946), кузнечик в стихотворении «Я век себе по росту подбирал...» (третье стихотворение из цикла «Жизнь, жизнь» (1965)) [17]. Обращались к образу кузнечика и Булат Окуджава [18], и Генрих Сапгир [19]. Так поэтическая традиция дожила до второй половины XX века.

В поэзии А. Гугнина слово «кузнечик» встречается мало: всего три раза на всю книгу «Стихотворений» (2022), которая содержит около 300 оригинальных текстов. Однако мотивы, с которыми связан образ кузнечика фундаментальны для художественного мира А. Гугнина в целом.

Кузнечик появляется впервые в стихотворении «Ночь на реке» 1958 года, поэту 17 лет. В подражание немецким романтикам юный автор выражает умиление мирным ночным пейзажем:

Умолкли птичьи голоса,
Кузнечик не трещит.
Едва приметная роса
На листьях ивы спит [2, с. 15].

В стихотворении «Через четверть века» (1995) лирический герой готов слушать кузнечика.

Идём сквозь хворост, сквозь сырой валежник,
Вминая сапогами прелый лист.
И запоздалый, крохотный подснежник
Стоит, как небо голубое чист. <...>
Ещё, ещё, и вот уж луг цветущий,
Как рай земной раскинувшись, лежит.
И лента речки, меж лесов бегущей,
На солнце щедром ласково блестит.

Под тихий плеск присядем на пригорке.
Послушаем кузнечиков рассказ,
Как жить на свете радостно и горько,
Как счастье глупое обманывает нас [2, с. 211 – 212].

Последний раз кузнечик появляется во втором стихотворении цикла «Другу-стихотворцу» (2015).

Здесь тихо, хорошо, уютно и спокойно –
Светло-зелёный, мягкий, тёплый мох,
И сосны ввысь поглядывают стройно,
Чтоб путник отдохнуть без опасений мог. <...>
Не ты ль сказал, что счастья нет на свете?
Мой друг, ты зачерствел или ослеп душой!
Иль ты забыл, как радуются дети,
Любуясь в поле бабочкой простой!

Иль вспомни луг, где стрекотун-кузнечик
Взлетает ввысь, как чемпион-атлет:
В избытке сил, не напрягая плечи,
Он славит жизнь, благословляет свет!

Мой верный друг, давай стряхнём усталость
И, в мягких мхах понежившись, уснём, –
В который раз опять прогоним старость
И, сил набравшись, снова в путь пойдём [2, с. 346 – 347].

Стихотворения, в которых изображен кузнечик, подхватывают и дополняют друг друга. Это вариации на заданную тему. Что же тематизирует кузнечик? Попробуем немного разобраться.

Рассмотрим детали, из которых складывается образ кузнечика. Что мы уже видели у других поэтов? Что нового, своего привносит в образ А. Гугнин? Первая – главная – примета кузнечика – это звук, который он издает. «Кузнечик не трещит», «стрекотун-кузнечик». Вторая деталь – «избыток сил» кузнечика, ему не надо «напрягать плечи», чтобы «взлететь ввысь», он «чемпион-атлет». Эти слова можно понимать буквально: лирический герой восхищен тем, как высоко и легко прыгает кузнечик; сравните со стихотворением Генриха Сапгира «Кузнечик (над горизонтом подпрыгнуло солнце...» [19]). Но можно понимать их и метафорически. «Кузнечик» взлетает в высь метафизически, «он славит жизнь, благословляет свет».

Стрекотание кузнечика – это рассказ о счастье. За то, что счастье «глупое» и «обманывает» лирического героя в ответе не кузнечик, а тот, кто его слушает. Треск кузнечика, его славословье, его рассказ самоценны. В стихотворении А. Гугнина «Через четверть века» лирический герой и его спутник преодолевают препятствия темного враждебного леса, болота, добираются до особого прекрасного места, кажется, только за тем, чтобы послушать кузнечика. В стихотворении из цикла «Другу-стихотворцу» лирический герой и его спутник погружаются в сон под стрекот кузнечика. Это чудесный, магический сон: он помогает стряхнуть усталость, омолаживает, придает силы.

Теперь рассмотрим то место, художественное пространство, с которым неразрывно связан кузнечик в стихотворениях А. Гугнина. Это особое место, желанное место. До него трудно добраться, оно обладает неизменным набором ландшафтных деталей, в нём с лирическим героем происходит что-то очень важное. Стихотворений о таком, особом, месте, у А. Гугнина немало: «Элегические фантазии», «Радость бытия», «Надежды», «Озеро детства», «Полота и «На Полоте» (их следует рассматривать как диптих), «Двое», «Новая жизнь», «На Полоте есть дивные луга...», «А в истоках – радость и восторг...», «Иди ж ко мне, сонет, мой друг желанный...», «За что тебя я с детства полюбил...». Даже простое перечисление названий стихотворений подводит к мысли (весьма поверхностной), что поэт просто любил писать стишки про речку Полоту, у которой, видимо, прошло его счастливое детство. Но, во-первых, детство прошло не на Полоте. Так почему же связь особого места с детством выражена в стихотворениях? А во-вторых, пейзажи в указанных стихах лишены конкретных примет. В них есть и лес, и луг, и речка, и ива, и холм... Но пейзаж с такими приметами можно встретить во многих уголках не то что Беларуси, – мира!

В этом, особом, месте останавливается время. Здесь всегда лето или весна. Здесь лирический герой ощущает себя одновременно стариком и ребенком.

А сердце, как ребёнок, лета просит,
Чтоб на лугу смеяться и играть («Надежды», 1995) [2, с. 203].

Я жизнь прожил, мечтая о свободе,
Но только в детстве я свободу знал...
(«Куда ж мы поплывем в безбрежном этом мире...», 2019) [2, с. 405].

Почему в особом месте время остановилось? Потому что это место обитания души, её дом, а для души время не течет, у неё нет возраста:

Так пусть живет душа! Фантазией влекома,
Не знает старости и немощи она...
(«Сонеты о старости», 2006) [2, с. 315].

Но в глубине души таится
Несказанный и праздничный свет...
(«Мы кружились, кружились, кружились...», 1995) [2, с. 199].

Особое место, в которое стремится лирический герой А. Гугнина, пронизано духом миролюбия. Здесь его спутники всегда дружелюбны, животные доверчивы и будто бесплотны, им не надо пожирать друг друга: «Ничего я в жизни не видал // Этих мест прекраснее и чище» («А в истоках радость и восторг...», 2019) [2, с. 403 – 404].

Может быть, особое место – это рай? Или даже Рай, с большой буквы? Вот же, в стихотворении «Через четверть века» сказано: «И рай земной раскинувшись лежит». Нет, особое место похоже на рай, но это не рай.

Гимн о счастье мне хотелось петь,
Но Земля не создана для рая.
(«Хорошо же в старости глупеть...», 2019) [2, с. 401].

Если спросит меня рать святая –
Ничего я в ответ не скажу:
Мне ни Раю не надо, ни рая –
Ни на дух не переносу!
(Цикл «Конец века», 2000) [2, с. 305].

К этим заявлениям добавим еще стихотворение «В раю» (2015) о незадачливом адаме, поедателе яблок [2, с. 327].

Итак, особое место – это не отдельный уголок Земли с точно заданными координатами, это не рай земной, это не Рай (ветхозаветный мир до грехопадения или Царствие Небесное христианства). Тогда что же это? Почему лирический герой А. Гугнина одержим стремлением попасть туда? Особое место – это метафизическое пространство (Полота, Внутренняя Монголия, Иерусалим), где на лирического героя нисходит поэтическое вдохновение.

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», лирический герой Гугнина одержим движением. «Жизнь коротка, и смысл её – движенье» («Сонет щедрости», 1981) [2, с. 106]. Стихотворение «Мой манифест» (1986) соткано из глагольных форм: ушибусь – поднимусь – не встану – не поклонюсь – умру – буду верить – поймет – измерит – доведёт – грызу – не еду – везу – споткнуться – въехать – не верю – не знаю... [2, с. 11 – 112]

При этом лирический герой А. Гугнина часто испытывает разочарование от бесплодности этого непрекращающегося суетливого движения:

Что искал, к чему стремился –
Всё растаяло, как дым...
(«Каштан на Рижском взморье», 1994) [2, с. 180]

И что-то всё с собой пытаюсь сделать.
Но то – не это мне, а это мне – не то.
(«Августовские мысли», 1988) [2, с. 129].

Что же ищет странник, не смотря на разочарование? Что подлинно,
нетленно в художественном мире Гугнина? *Vita brevis, ars longa.*

Зачем же я, печальный странник,
Чего-то жду, и жду, и жду,
И в добровольное изгнание
С надеждой яростной иду?

И не гашу в душе волнение,
Надежду тоже не гашу.
И в новый путь за вдохновением
Опять спешу, спешу, спешу...
(«Я заклинаю вдохновенье...», 2020) [2, с. 416].

Только искусство способно замедлить времени бег:
Я знаю: на земле не будет Рая, –
Но на земле есть истина простая:
Здесь радость есть, когда сонет со мной!
(«Иди ж ко мне сонет, мой друг желанный...», 2020) [2, с. 411].

Но о тебе, сонет не забывал,
И прикасался иногда нежданно.
Нежданно, то есть словно в забытьи,
Как будто в полудрёме я мечтаю,
Из прошлых жизней что-то вспоминаю...
(«За что тебя я с детства полюбил...», 2020) [2, с. 412].

В последнем отрывке изображено состояние вдохновения – смысл и средоточие жизни лирического героя А. Гугнина. Кузнечик, погружающий своим стреко-таньем в измененное состояние сознания, – посланец муз и самого Аполлона, проводник в мир сонета, в мир Поэзии. Этот мир был домом души Александра Гугнина, этот мир он открыл всем своим спутникам – читателям.

Всем путь открыт в чудесную безбрежность, –
 В безбрежность чувств, в безбрежность доброты,
 В безбрежность дружбы, в море сострадания,
 И в океан сердечной теплоты,
 Где все цветы цветут без увяданья,
 Где всё, чем жизнь наполнена была,
 В роскошных образах, ликуя оживает,
 И где печаль прозрачна и светла,
 Где всё живёт, ничто не умирает.
 («А время мчится, движется вперёд...», 2016) [2, с. 370].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысова, Н.Б. Услышать поэта и вечный ход жизни [Текст] / Н.Б. Лысова // Гугнин А.А. Стихотворения. Переводы (1957 – 2021). – Витебск: Витебская областная типография, 2022. – С. 3 – 8.
2. Гугнин, А.А. Стихотворения. Переводы (1957 – 2021) [Текст] / А.А. Гугнин. – Витебск: Витебская областная типография, 2022. – 480 с.
3. Наумова, Т. Красота по-японски [Текст] / Т. Наумова // Вокруг света. – 2024. – № 2 (2992). Март. – С. 23 – 31.
4. Пастернак, Б.Л. Полное собрание сочинений [Текст]. В 11 тт. Т II. Спекторский. Стихотворения 1930 – 1959 / Пастернак Б.Л.; [сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак]. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2004. – С. 148 – 149.
5. Капустина, Е.А. Миф о поэте в творчестве Велимира Хлебникова [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Е.А. Капустина. – Барнаул, 2005. – 206 с.
6. Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка: коллективная монография [Текст] / А.И. Смирнова и др. – Москва: Книгодел, 2020. – 400 с.
7. Сыч, А. Инсектологические образы в поэзии В.В. Набокова [Текст] / А. Сыч // Смоленский филологический сборник. – 2022. – № 14. – С. 101 – 105.
8. Фу Хэн. Переводы А.Д. Кантемира: репертуар, приёмы, примечания [Текст]: научно-квалификационная работа (диссертация) / Фу Хэн. – СПб.: ИРЛИ РАН, 2022. – 171 с.
9. Переводы. Из Анакреонта. К трекозе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kantemir.lit-info.ru/kantemir/perevody/k-trekoze.htm>. – Дата доступа: 21.03.2024.
10. О развитии русской анакреонтики в XVIII веке // Лаппо-Данилевский, К.Ю. Сумароковский канон анакреонтической оды в русской поэзии XVIII века [Текст] / К.Ю. Лаппо-Данилевский // XVIII век. Сборник 30: А.П. Сумароков и русская литература его времени. – СПб.: Наука, 2020. – С. 17 – 41.
11. Ломоносов, М.В. Стихотворения [Текст] / М.В. Ломоносов; [сост., предисл. и примеч. Е.Н. Лебедева]. – М.: Сов. Россия, 1985. – 368 с.
12. Фет, А.А. Полное собрание стихотворений [Текст] / А.А. Фет; [вступ. ст., подгот. текстов, примеч. Б.Я. Бухштаба]. – Л.: Сов. пис., 1959. – 897 с.
13. Хлебников, Велимир. Собрание сочинений [Текст]. В 6 тт. Т. 1: Литературная автобиография. Стихотворения 1904 – 1916 / Велимир Хлебников; [под общ. ред. Р.В. Дуганова]. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – 542 с.

14. Олейников, Н. Пучина страстей: Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. Олейников. – Л.: Сов. пис., 1991. – 272 с.
15. Заболоцкий, Н.А. Метаморфозы [Текст] / Н.А. Заболоцкий; [сост., подготот. текста, вступ. ст., коммент. И.Е. Лощилова]. – М.: ОГИ, 2014. – 954 с.
16. Носов, Н. Собрание сочинений [Текст]. В 3 тт. Т. 2: Приключения Незнайки и его друзей. Незнайка в солнечном городе / Н. Носов. – М.: Детская литература, 1969. – С. 181 – 182.
17. Тарковский, А. Собрание сочинений [Текст]. В 3 тт. Т. 1: Стихотворения / А. Тарковский. – М.: Худ. лит., 1991. – 462 с.
18. Бойко, С.С. О Кузнечиках / С.С. Бойко // Вопросы литературы. – 1998. – № 2. – С. 343 – 348.
19. Сапгир, Г. Кузнечик («над горизонтом подпрыгнуло солнце...») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://poemata.ru/poets/sapgir-genrih/kuznechik-nad-gorizontom-podprygnulo-solntse/>. – Дата доступа: 21.03.2024.